

Фудзияма на Енисее

Как выживали и умирали японские пленные

Рассказывают, что верхняя точка Торгашинского хребта, тянущегося по правому берегу Енисея, – 500-метровая Черная сопка, она же потухший вулкан Кара-Даг, – стала предметом почитания для пленных японцев, поскольку напоминала им священную гору Страны восходящего солнца.

Найти этому документальное подтверждение вряд ли возможно, однако в такое верится – наверное, любой человек, оказавшийся не по своей воле вдали от своей страны, по сути, в «мире ином», неизбежно будет искать хоть какую-то привязку к родине. Особенно если жизнь в неволе сопряжена с непрекращающимся страданием.

О жизни японских военнопленных в Красноярском крае (в который тогда входила Хакасия) есть множество свидетельств очевидцев, воспоминания самих японцев, исследования историков. Однако найти в этом массиве некий общий знаменатель трудно. Вернее, он существует, но сводится к тому, что в плену было возможно все, включая вещи невероятные для нас, но приемлемые для того бесчеловечного века.

В самом начале 90-х газета «Красноярский комсомолец» опубликовала цикл статей – воспоминаний советского солдата, служившего в охране лагеря для японских пленных. (Рассказываю по памяти, поскольку газеты уже нет в живых, и даже если публикация сохранилась, то где-то в архивных глубинах.) Это был удивительный человеческий материал о том, как проявляются в экстремальной ситуации люди, иной, незнакомой нам культуры. Автор рассказывал, что в плену полностью сохранялась армейская субординация. Младший по званию стоял перед старшим навтыжку, хотя и тот и другой могли быть одинаково оборванными, тощими, завшивленными. Это существенно облегчало охрану пленных, поскольку контролировать приходилось главным образом офицеров. Более того, кодекс воинской чести предписывал японцам принимать все условия поражения и работать в плену так же старательно, как у себя дома. Конечно, это не спасало от отчаяния, которое проявлялось по-разному: самоубийствами, особенно среди военных артистов, вспарывавших себе животы любимыми подручными средствами – от заточенных ложек до заостренных листовых щепок.

Особенно запомнилась сцена «пищевого бунта». Кормили японцев не так уж плохо (конечно, по меркам пленя), но их организм упорно откусывался принимать нашу пищу – картошку, капусту, мясо, – и это было одной из главных причин высокой смертности. Однажды – дело было на угольных шахтах Хакасии – прибывшая на работу рота пленных

была остановлена по команде японского офицера, который объявил лагерному начальству требование кормить их рисом и рыбой. Начальство, естественно, отказало – офицерскомандовал, и первая шеренга пленных бросилась в шурф глубиной несколько десятков метров. Офицер потребовал требование – отказ – бросилось еще несколько человек... На четвертой или пятой шеренге нервы у конвоя сдали. В конце концов пленным разрешили ловить рыбу в Енисее, для чего сформировали особую команду...

Выглядит это невероятно, даже экзотично, однако картину такой же отчаянной решимости наблюдал мой дед, во время войны работавший в Туве – официально не присоединенной, но фактически уже советской. Только вместо японцев были старообрядцы, в деревню которых прибыл отряд красноармейцев с целью мобилизации мужчин. Последователи Авакума выгнали на енисейский лед всех своих многочисленных детей, ввели солдат на прибрежье, но когда те сделали шаг вперед, опускали в прорубь ребенка. Выдержки у солдат хватило на нескольких младенцев. Отряд ушел...

Всего в СССР в 1945–1946 годах было доставлено более полумиллиона японских военнопленных, из которых в Красноярском крае осталось около 23 тысяч

Повторю, у бесчеловечного времени свои пределы допустимого.

Первая встреча

Всего в СССР в 1945–1946 годах было доставлено более полумиллиона японских военнопленных, из которых в Красноярском крае осталось около 23 тысяч.

Пленные должны были хоть как-то восполнить огромный дефицит рабочих рук, вызванный потерями в войне. Для японцев сформировали особое лагерное управление № 34. Большая часть – около 15 тысяч – осталась в Красноярске работать на заводах. Если обратиться к источникам, можно увидеть, что в этой истории было все – отчаяние и сила воли, повиновение и побег, прилежная работа и саботаж, голод и недовольство местного населения, видевшего, что побежденного врага лучше кормят и одевают...

Естественно, самым сильным остается впечатление пер-

вой встречи – и для тех, кого привезли в Сибирь, и для тех, кто встречал.

Сержант Есида Юкио, прибывший в Красноярск в сентябре 1945 года: «Вдруг я проснулся и услышал, что конвоиры кричат резкими голосами: «Вставай! Вставай, японские солдаты! Быстро выходи из вагонов на улицу со своими вещами! Давай! Скорее!» Конвоиры сильно били в двери. Мы были поражены; нас окружило много жителей, они постепенно собрались к нам,

и мы пошли на работу, но японцы показали нам, как надо работать».

Георгий Платонович Горовецкий, офицер, сопровождавший эшелон военнопленных: «Японцы прибыли полностью экипированными с ног до головы в утепленную мехом форму: шубу, ботинки, кое-что даже с чемоданом. Помню, мы были даже растеряны тем, что пленные офицеры были вооружены кортиками; их потом, правда, все же изъяли: хоть холодное, но все же оружие».

Что было потом

По данным историка М. Спиридонова, в лагерях Красноярского края за три послевоенных года умерло от разных причин – недоедания, болезней, тяжелой работы, производственных травм – и было убито при попытке к бегству около восьми с половиной процентов пленных японцев, или 1 939 человек. (Для сравнения: в германском плену выживало в лучшем случае трое из десяти советских военнопленных.)

Еще одна показательная цифра: дневное содержание японца почти вдвое превышало расходы на пленного немца, а в рационе значились такие экзотические продукты, как «мисо – приправа к кушанью из бобов» и совсем уж редкостная по тем временам вещь – сахар. Работать полагалось восемь часов. Разумеется, в жизни все было далеко не так, как на бумаге, – работали часами от зари до зари, выходные только по праздникам, и непонятно откуда начальство собиралось доставать то самое мисо и бобы... Но цифры говорят, что для большинства плен стал спасением от смерти – особенно если учесть, что в последние месяцы войны Квантунская армия несла огромные потери, была истощена, и эшелоны везли в Россию не только

офицеров с кортиками и в меховых шинелях, но и самых натуральных доходаг. По словам одного из солдат, пленных в Маньчжурии, «многие падали замертво от усталости и недоедания, все приходилось делать вручную, а капля бензина ценилась дороже человеческой жизни»...

Наконец, все то же отчаяние было одним из факторов смертности. Японцы предпринимали десятки попыток побега, ни одна из которых не закончилась удачно для них. Воспоминает Сато Тосио: «Командир Иенохори был смелым человеком, он отвел меня одного и сказал: «Если мы и дальше будем так жить, то все умрем. Советских солдат только 60 человек, и у них только винтовки, так что мы можем встать и убежать». Я ответил ему, что хочу посоветоваться со своим другом лейтенантом Хасегава. Хасегава сказал мне, что когда он поднимался с русским солдатом на гору, то видел сверху крутом только горы, сопки и мороз. Бежать бессмысленно – был его вывод».

Иван ПЕТРОВ

P. S.

В память об умерших на нашей земле японских пленных в Красноярске установлен мемориальный знак. В 90-х и нулевых просрессивная общественность не раз поднимала тему вины России перед жителями Страны восходящего солнца, традиционно «забывая» об ужасах японского плена (вспомните хотя бы только «отряд 731», проводивший опыты над людьми) и о том, что японцы приняли на себя свою часть вины и расплаты, положенную всем народам – победителям и побежденным, – участвовавшим в мировой войне. И сами факты подводят к тому, что памятный знак напоминает о тех, кто выжил и вернулся.